

Шостакович и другие

В Московской консерватории
отпраздновали 100-летие со дня
рождения композитора >> СТР. 20

22 АНТИКВАРИАТ
Редкую бронзу можно
увидеть в «Кабинете»

Ольга Лепешинская –
балерина-стахановка

>> СТР. 16

НГ АНТРАКТ

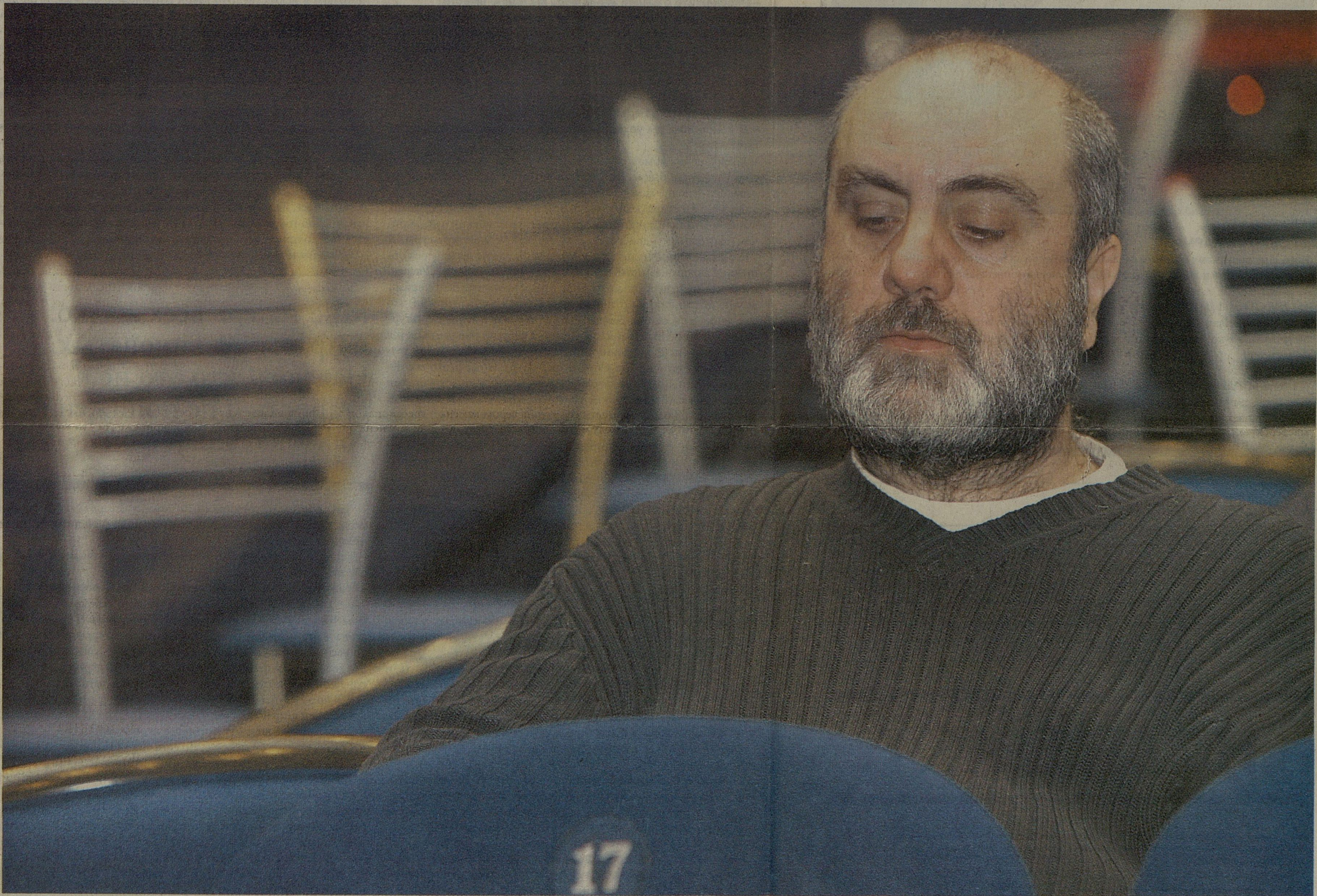
ПЯТНИЦА 29 СЕНТЯБРЯ 2006 ГОДА №27 (176)

ПРИЛОЖЕНИЕ К НЕЗАВИСИМОЙ ГАЗЕТЕ. ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

+ ТЕЛЕПРОГРАММА НА НЕДЕЛЮ

Пассажир Земли

Режиссер Владимир Мирзоев о нашем времени и о себе

Владимир Мирзоев: «Театр сегодня – бесценный инструмент культуры... Где еще ребенок из семьи люмпена услышит Шекспира или Еврипида?»

Фото Евгения Зуева (НГ-фото)

Елена Кутловская

Владимир Мирзоев всегда
имел имидж режиссера, ко-
торый мыслит нетривиаль-
но. Он ставил Клоделя, Бек-
кета, Стриндберга, Атаяда, Гоголя,
Шекспира, Мольера и Пинтера. И

попасть на его спектакли всегда бы-
ло нелегко.

В конце 80-х «модный» Мирзоев
неожиданно уехал в Канаду, осно-
вывал там театральную компанию
«Horizontal Eight» («Горизонтальная
Восьмерка»), преподавал в универ-
ситетах Мичигана и Торонто. Но в

середине 90-х он так же неожиданно
вернулся на родину. И мгновенно
стал одной из центральных фигур в
культурном пространстве Москвы.
Его «Хлестакова» с Максимом Суха-
новым в главной роли назвали «ге-
ниальным бредом», «Короля Лира»
– «философским абсурдом», «Сира-

но де Бержерака» – «парадоксаль-
ным лирическим сновидением».

– Владимир Владимирович, как
часто вы можете сказать – «я
счастлив»?

– Знаете, я люблю людей, они мне
интересны, поэтому я испытываю

счастье, когда репетирую или обща-
юсь с друзьями, с семьей. Когда смо-
трю кино, читаю книги. Ведь они то-
же созданы людьми... С другой сто-
роны: вокруг столько боли, неспра-
ведливости... Слава Богу, я почти
разучился ненавидеть. Мне теперь
всех жалко: и правых, и виноватых.

Надеюсь, что это не старость и не
пониженный гормональный фон.

– Кто ваши друзья?

– Как ни странно, удалось сохра-
нить много друзей со времен юнос-
ти. Среди них есть: писатель, худож-
ник, доктор, священник, книгоиз-
датель, продюсер.

>> СТР. 14

НГ-АНТРАКТ
ПРИЛОЖЕНИЕ К НЕЗАВИСИМОЙ ГАЗЕТЕ
МОСКВА, 101000, ГСП, МЯСНИЦКАЯ, 13.
ТЕЛ. 981-61-54

СЕГОДНЯШНИЕ
НОВОСТИ В ИНТЕРНЕТЕ
НА WWW.NG.RU

29.09.06

17 СОРОС В КАРМАНЕ

Кира Прошутинская когда-то сделала передачу со знаменитым финансистом, но в эфир она не попала. А такого Сороса, уверяет она, не видел никто

15 ЖЕСТКИЙ ДИСК ЗАБИТ

У художника Владимира Дубосарского притупились чувства. Если раньше он еще получал какие-то сильные эмоции от искусства, то сейчас переживать их не получается

24 РЕСТОРАНЫ И ВОЗРАСТНОЙ ЦЕНЗ

Как однажды Мария Васильевна Розанова, вдова писателя Андрея Синявского, не прошла face-control

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЮДИ И ПОЛОЖЕНИЯ	СТР. 15
ВРЕМЯ И МЕСТО	СТР. 16
ТЕЛЕВИДЕНИЕ	СТР. 17
ТОЧКА СЪЕМКИ	СТР. 20
АКЦЕНТЫ НЕДЕЛИ	СТР. 21
АНТИКВАРИАТ	СТР. 22
СТИЛЬ ЖИЗНИ	СТР. 24

Переменей иногда серьезный труд развлечением

НГ АНТРАКТ

Приложение к «Независимой газете»

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Алла Болотина

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ

Анна Алексеева, Дмитрий Буткевич,
Сергей Варшавчик, Владимир Захарин, Елена Кутловская, Иalina
Окулова, Светлана Печникова, Иalina Семенова, Виктория
Шохина, Венера Черепина, Вероника Чернышева

КОРРЕКТУРА Елена Невская, Лидия Фильдер,
Ольга Корчагина, Светлана Горшкова,

Валентина Мерзлякова, Гульназ Мубаракшина

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

Маргарита Богачева, Татьяна Васильева,
Александр Баринков, Людмила Нагорнова,
Наталья Воронова
ИЛЛЮСТРАЦИИ Михаил Митин,
Ирина Саратова, Екатерина Саратова

ТЕЛЕФОН РЕДАКЦИИ 981-54-02

E-mail: eka@ng.ru

© «Независимая газета», © «НГ АНТРАКТ»

Пассажир Земли

<< ОКОНЧАНИЕ НАЧАЛО НА СТР. 13

художник-концептуалист. С актерами, как правило, отношения остаются теплыми, но, скорее, приятельскими. Я боюсь переходить черту, где начинаются личные драмы. Ведь актерам приходится изменять, и они изменяют тебе. И все это неизбежно. Разумеется, исключением из этого грустного правила являются Максим Суханов и его семья.

— Как и при каких обстоятельствах началась ваша дружба с Максимом Сухановым?

— Мы познакомились в 95-м на репетициях «Хлестакова». Нас представил друг другу художник Павел Каплевич... Конечно, Макс для меня гораздо больше, чем товарищ по работе и, думаю, даже больше, чем друг... Знаете, как у поэта, писателя бывает лирический герой, его альтер-эго, его проводник по зазеркалью, так режиссеру иногда судьба дарит «лирического актера». Я всегда знаю, что путешествие, в которое мы отправляемся вместе, будет полно сюрпризов, шокирующих открытий, мне всегда интересно придумывать для Макса спектакль, потому что он (как соавтор) заставляет заглядывать в бездну... И если выпадает работать без него, я испытываю странное беспокойство: как будто на репетиции я тружусь не в полную силу или не до конца искренен.

— Расскажите о вашей жене, ведь вы давно вместе?

— Еще с канадских времен Катя помогает мне в области кино. Она долго работала на ТВ, у нее опыт продюсерский и административный. Но она способна и сценарий переписать, если надо. Во многом благодаря ее титаническим усилиям состоялся мой запоздалый полнометражный дебют. Я имею в виду фильм «Знаки любви». В общем, в таком нелегком и опасном (в этическом смысле) деле у меня есть настоящий товарищ.

— В конце 80-х вы уехали в Канаду. Что дала вам иммиграция?

— Возвращение домой случилось уже так давно, двенадцать лет назад... Жить-бытие в Торонто подернулось сентиментальной дымкой — вполне можно писать мемуары «Моя жизнь среди канадцев»... Постараюсь ответить на ваш вопрос концептуально. Конечно, главное личное приобретение — английский язык, причем выученный непосредственно внутри чужой культуры. Я учил язык эмоционально, как это делают малые дети: через общение с людьми, книгами и отчасти через кинематограф. Уверен, второй язык невероятно расширяет наше сознание, дает необходимую дистанцию по отношению к родной речи... Думаю, что для любого пассажира Земли полезно пожить в мультикультурном обществе. Особенно сегодня, когда каждый народ опасается потерять свою идентичность, трясется над ней, как скупой рыцарь, готов отстаивать ее с оружием в руках. Но ведь это все пустое, аберрация духовного зрения. Пока ты находишься в стихии родного языка, ты неуязвим, захочешь — не сможешь изменить свою ментальность. Культурный код ни в чем не уступает биологическому: ни в стойкости, ни в способности накапливать полезные мутации... В городе Торонто, войдя в вагон метро, ты слышишь десятки вариантов английского, видишь все возможные оттенки кожи. Но в третьем поколении любой иммигрант — сто-процентный канадец, без всяких «но». Язык бабушек-дедушек прочно забыт, Европа (или Африка) становится мифом, хоть на быка сажай...

В этом контексте — два слова о больной для нас теме мигрантов. Нужно внутри себя опереться на христианские ценности (нет ни эллина, ни иудея), да и страх этот глупый. Не важно, откуда они приехали — из Китая, из Средней Азии, русский язык — это наша единственная надежда. Внуки любого пришельца неизбежно будут людьми русской культуры. Смею сказать, я видел своими глазами, как это работает.

— А почему вернулись?

— Вернулся потому, что Советский Союз приказал долго жить, и из пены морской возникла новая, демократическая Россия. Интересно вместе с друзьями и современниками строить что-то принципиально новое на основе старого текста. Нет, правда, — это похоже на работу с классической пьесой. История вроде бы знакомая, персонажи, как родственники, однако все с чистого листа...

Иосиф Бродский, любимейший поэт и заочный учитель, говорил о возвращении, что нельзя дважды войти в одну реку, особенно если это Нева. Но, по-моему, нынешняя Москва — это уже другой город и другая река. И я ни о чем не жалею. Может быть, только о том, что не получилось приехать в 91-м.

— Недавно праздновалось 250-летие русского театра. Отмечали довольно скромно. Неужели театр становится провинцией современной российской культуры?

— Вы спрашиваете про отношение к театру чиновников или публики? По-моему, полные залы красноречивее наших рассуждений на эту тему... Впрочем, поделись некоторыми впечатлениями последнего времени... Во-первых, ясно, что академические театры с непомерно большими труппами и худруками-самодержцами морально себя исчерпали. Они просто не способны генерировать новые идеи. Плюс воровство директоров, плюс нарастающий цинизм среди актеров. Второе: театр был и остается

местом встречи, местом эмоционального контакта для разных слоев населения. Именно здесь, а не дома перед голубым экраном, и не в консерватории, и не на эстрадном шоу, мы ощущаем свое духовное единство. Футбол имеет серьезные ограничения в интеллектуальном плане. Церковь как институт, скорее, стремится разделять, нежели объединять... То есть театр сегодня — бесценный инструмент культуры... Где еще ребенок из семьи люмпена услышит Шекспира или Еврипида?... Конечно, театр недостаточно телегеничен, вообще со скрипом поддается тиражу, экспорту-импорту и т.д. Но в этом тоже есть своего рода архаическое здоровье... А чиновник равнодушен, потому что здесь много не хапнешь. Откаты не сравнимы с кино или с ТВ. Вот вам и вся математика.

— Почему многие, в том числе и западные, режиссеры совмещают театр и кино?

— Пожалуй, в моем случае это нечто вроде ювенильной психопатии: кино позволяет мне сохранять ощущение новичка, как будто мне лет этак двадцать девять и я совсем недавно начал свою режиссерскую карьеру... И еще нужна дистанция по отношению к собственным формальным наработкам. Таким громоздким и, прямо скажем, стрессовым способом сражаюсь со своим автоматизмом, к которому с годами тяготеет любой человек. И не только в искусстве. Это закон сохранения энергии. А он для нашего брата губителен. Страшнее, чем тщеславие или ревность к чужому успеху... Ну и, кроме того, я нежно люблю кинематограф. В детстве моим любимым фильмом был «Иван Грозный» Сергея Эйзенштейна.

— Гламур — это достоинство современной культуры или недостаток? Почему все так единодушно в негативной оценке гламура? Я лично уверена, что поп-арт — тот же гламур.

— Боюсь, я не готов размышлять о драме гламура. К поп-арту я тоже равнодушен... Одно скажу: реагировать на ситуацию в современной культуре можно двумя способами. Либо множить смысловые измерения текста, либо сводить их на нет. Очевидно, гламур выбирает второе. Потому что нисходящее движение всегда приятнее. Деградируя эстетически (да и этически тоже), человек обычно готов вздохнуть с облегчением — ведь он возвращается в лоно природы, к приматам, так сказать.

— Вы занимаетесь спортом?

Мне теперь всех жалко: и правых, и виноватых. Надеюсь, что это не старость и не пониженный гормональный фон

— Увы, спортом не занимаюсь, поскольку лет до 14 ничем, кроме спорта, не интересовался. Видимо, исчерпал свой лимит...

— Водите ли машину?

— Машину не вожу — боюсь кого-нибудь зашибить ненароком, по рассеянности.

— Можете ли назвать себя современным человеком?

— Тот, кто работает в театре, всегда немного страдает анахронизмом. Ведь на сцене оживают тексты всех времен. И это не только слова — это ощущение непрерывности культуры, которая была до нас и будет после нас. И ты сам — только крошечное, но важное звено в этой цепи. Расслабишься, предашь, продашь и... Нет, конечно, мир не рухнет — кто-то обязательно встанет на твоё место, — но это будет другая история... Кажется, я не слишком современный человек.

— Свойственно ли вам состояние агрессии?

— Я редко впадаю в агрессию. Но есть одна вещь, которая способна вывести меня из равновесия: это некомпетентность.

— Чувство вины — это норма для личности или комплекс?

— Как любит говорить лингвист Вадим Руднев, «вопросы становятся все сложнее, а сил все меньше»... Испытывать чувство вины, по-моему, столь же естественно, как испытывать все прочие человеческие чувства. Что делают с обществом сверхчеловеки без страха, упрека, чувства вины и прочих интеллигентских выкрутасов, мы наблюдали весь прошлый век. В XXI не хотелось бы оставаться на второй год.

— Ваши творческие планы?

— В конце сентября в Театриуме на Серпуховке состоится премьера спектакля «Дракон» — по знаменитой пьесе Евгения Шварца. Когда меня спросили о жанре этой работы, я крепко призадумался. Вроде бы весело, но не вполне. Сказка не сказка, притча не притча... В общем, я назвал это произведение «пессимистическая комедия»... А потом я продолжу репетиции в Ленком. Здесь мы готовим пьесу Мольера «Тартюф».